

Изучение политической экономии

(Лекция, прочитанная студентам Калифорнийского университета 7-го марта 1877 г.)

Я полагаю, что назначение этих лекций состоит не столько в том, чтобы дать слушателям известную сумму знаний, сколько в том, чтобы вызвать в них интерес к науке, и я в своей лекции буду иметь в виду одну только цель—направить вас на путь самостоятельного размышления. Я не буду излагать вам законов политической экономии, не буду касаться и ее нерешённых вопросов, даже тех, по которым я составил себе определенное мнение. Я постараюсь лишь дать вам некоторое понятие о простоте и точности этой науки, признаваемой часто очень сложной и неопределенной, выяснить легкость, с какою она может быть изучаема, и отметить причины, которые делают изучение ее достойным вашего внимания.

О важности вопросов, с которыми имеет дело политическая экономия, едва ли нужно будет говорить. Наука, исследующая законы производства и распределения богатства, касается предметов, к которым направлено по меньшей мере девять десятых наших усилий и по меньшей мере девять десятых человеческой мысли. В ее область входит все, относящееся к заработку трудящихся и прибылям капиталистов; все, касающееся торговли, денежного обращения, финансов, налогов и общественных расходов,—все, что так или иначе влияет на сумму богатства, которая распределяется в обществе, и на характер этого распределения. Не будучи наукой о государственном управлении, она является тем не менее существенно важной для науки о государственном управлении. Имея непосредственное отношение только к тому, что называется инстинктом себялюбия, она тем не менее касается тем самым и самой основы высших качеств нашей души. Законы которые она стремится раскрыть, суть законы, в силу которых государства становятся богатыми и населёнными или падают и гибнут,—законы, от которых зависят благосостояние, счастье и удобство нашей личной жизни. А так как развитие более благородной части человеческой природы могущественно изменяется материальными условиями, если только не целиком от них зависит, то и законы, изыскиваемые политической экономией, являются

законами, которыми в конце концов определяется и умственное, и нравственное, и физическое состояние человечества.

Ясно, что эта наука имеет для нас из всех наук наибольшую важность. Как ни полезны, как ни благородны науки, раскрывающие перед нами широкое понимание природы, рассказывающие нам историю седой старины или изыскивающие законы нашей телесной или душевной организации, но что они значат сравнительно с наукой, изучающей те условия, которые только и делают возможной разработку всех прочих наук? Сравнивая на этой почве практической полезности политическую экономию с другими науками, невольно хочется вложить в уста изучающего ее слова известного грека: «я не умею играть ни на каком инструменте, но я могу из маленькой деревушки сделать большой и цветущий город».

Тут сам собою возникает вопрос: «Почему же науке, столь важной, уделяют так мало внимания?» Наши законы то и дело игнорируют ее самые простые и ясные принципы, а что это невежество в отношении ее не ограничивается одними так называемыми необразованными классами, можно видеть и из споров в наших законодательных палатах, и из решений наших судов, и из речей лидеров наших партий, и из передовых статей наших газет. Сто лет прошло с тех пор, как Адам Смит выпустил в свет свое «Богатство народов», и шестьдесят с тех пор, как Рикардо провозгласил свою теорию ренты. И однако политическая экономия со времени Рикардо не подверглась сколько-нибудь существенным улучшениям.

Тысячи новых открытий в отраслях человеческого знания быстро получили самое широкое приложение и стали общим достоянием; самые крайние выводы других наук сделались частью основных научных построений, а истины, проповедуемые политической экономией, по видимому, не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на мысль людей, и даже до сего времени еще остается вопросом, можно ли считать наукой политическую экономию и будет ли она ею когда-нибудь.

И это обстоятельство нельзя объяснить бедностью политико-экономической литературы. По предмету ее написано было за последнее столетие столько книг, что ими можно было бы наполнить обширную библиотеку; во всех наших высших учебных заведениях имеются кафедры политической экономии, и внимание общества то и дело привлекают к себе вопросы, при обсуждении которых

ближайшим образом затрагиваются основные начала этой науки.

Мне думается, причиной малого внимания к политической экономии является частью природа самой науки и частью способ, каким она разрабатывалась.

Прежде всего, самая важность предмета, с каким имеет дело политическая экономия, создает преграды к ее изучению. Открытия других наук могут идти в разрез с превратными понятиями, но выводы политической сталкиваются с денежными интересами и таким образом бьют прямо по чувствительному карманному нерву. Нет такого учреждения, в сохранении которого не был бы заинтересован более или менее значительный общественный класс, и потому политическая экономия всегда будет встречаться с людьми, которые будут смотреть на нее так, как смотрели эфесские серебряники на людей, доказывавших бесполезность постройки алтарей Диане. Маколей совершенно верно заметил, что если бы какой-нибудь денежный интерес был связан с отрицанием силы всемирного тяготения, то не было бы недостатка в спорах и против наиболее очевидного из всех физических явлений. И именно такая трудность спутывала и спутывает политическую экономию при ее поступательном движении. Человек,

который заинтересован или воображает себя заинтересованным в сохранении покровительственного тарифа, может с удовольствием слушать все то, что будут говорить ему наши профессора о составе солнца или о развитии видов, но с какою бы ясностью вы ни стали доказывать ему бесполезность и расточительность стеснения торговли, он все равно не поймет вас. Подобным образом вы тщетно бы стали доказывать человеку, рассчитывающему нажитья от железнодорожной субсидии, что все эти измышления, изменяющие направление для приложения труда и капитала, должны вести скорее к потерям, чем к выигрышам. Какое же противодействие должна тогда выдерживать наука, имеющая дело с тарифами и субсидиями, с банковскими процентами и с облигационными займами, с рабочими союзами и стачками капиталистов, с пошлинами и налогами, с торговыми патентами и способами владения землею! Против нее выступит не просто невежество, а невежество, опирающееся на эгоистичный интерес и разъяренное страстями.

И в то время, как себялюбие будет побуждать людей выдавать простакам за политическую экономию нелепости разного рода,

сложность явлений, которые ведаёт эта наука, будет очень облегчать им их дело обмана. Человек, привыкший полагаться на других в деле мышления, видя, как выдаются под именем этой науки самые разнородные мнения, легко и просто сделает вывод, что в политической экономии всякий найдет для себя то, что ему нравится. И что особенно плохо, так это то, что даже за пределами самоуверенного шарлатанства, в изложении ее истинных учителей, политическая экономия представляется в значительной мере разрозненной и неопределенной. В изложении лучших учебников политическая экономия может быть уподоблена красивой статуе, лишь наполовину высеченной из мрамора, или пейзажу, часть которого вырисовывается отчетливо и ясно, а все остальное покрыто туманом. Я не могу входить здесь в большие подробности, но что именно таково положение дел, это вы можете видеть и из неспособности политической экономии дать сколь-нибудь ясный и удовлетворительный ответ на наиболее важные из жизненных вопросов нашего времени, каким является хотя бы вопрос о причинах экономических кризисов, и из путаницы в мыслях, какая откроется пред вами при мало-мальски внимательном изучении даже лучших из учебников. Вся сила мысли ученых людей, все их искусство ушли лишь па разные тонкости и хитроумные построения, на бесплодные споры и словопрения, и самые важные общественные явления остаются неисследованными. И вот простой и привлекательной науке придан был вид чего-то отталкивающего, темного, неопределенного.

А там,—думается мне, под влиянием той же основной причины,—сложился взгляд на политическую экономию, восстановивший против нее все чувства и предрассудки людей, которые всего более могли бы выиграть от ее разработки. Имя политической экономии постоянно призывалось в борьбе против рабочих классов, добивавшихся повышения платы и сокращения часов работы. И от имени политической экономии проповедывался рабочим классам тот богохульный догмат, всегда внушаемый угнетателями угнетенным, будто Творец присудил одну часть своих созданий к жизни в неустанных трудах и лишениях, тогда как другой части дал право пользоваться всеми плодами земли и всем изобилием ее,—как проповедывалось от имени Христовой церкви божественное установление рабства. Поскольку дело касалось важнейших общественных вопросов времени, политическая экономия всегда

представлялась большинству ее признанных служителей, как научное оправдание того, что есть, и в ее удобной формуле предложения и вопроса они всегда склонялись видеть средство, которым Провидение так твердо устанавливает известную норму заработной платы, что ее не поколеблют никогда никакие решения рабочих. Да и не одни только невежественные писаки так унижали имя и термины политической экономии. Обычная окраска ее так велась в самую глубь ее, что от нее не были в состоянии избавиться даже люди, подобные Джону Стюарту Миллю. Даже люди смелого ума сторонились от исследования принципов, грозящих крупным «законным» интересам, тогда как менее разборчивые в средствах всю свою изобретательность расходовали на то, чтобы как-нибудь исключить из состава науки все то, что так или иначе могло вредить этим интересам. Возьмите лучшие и наиболее распространенные учебники. Они настаивают на свободе для капитала и оправдывают на основании полезности ту себялюбивую жадность, которая прибавляет к состоянию состояние и делает сердца людей нечувствительными к слезам бедняков. Но какую утеху дают они в то же время несчастным рабочим, кроме советов воздерживаться от рождения детей?

На что можно надеяться, когда руки, которые должны бы были давать хлеб, вместо него предлагают камень? Есть ли какое-нибудь основание ожидать, зная человеческую природу, чтобы народные массы, хотя и смутно, но все же глубоко сознающие несправедливость существующих общественных условий, понимающие, что их теснят и жмут каким-то образом, стали бы приветствовать истину в том частичном выражении, какое дает ей наука,—чтобы они стали с доверием относиться к тем системам знания, которые, по видимому, стремятся лишь обелить неправду, возвести в долг святости себялюбие, будто бы гармонирующее с принципом полезности, и представить высшим благодетелем человечества скорее Ирода, чем Винсена де Поля? Есть ли что удивительного в том, что они в своем невежестве склоняются к нелепостям покровительственной теории и к тем жалким учениям, которые вообще известны под именем социализма?

Я так долго остановился на исследовании вопроса, почему политическая экономия приобрела в народном представлении характер науки неопределенной, темной, исполненной духа себялюбия, единственно для того, чтобы мне легче было доказать вам,

что ни одно из упомянутых качеств не может считаться действительно свойственным этой науке. Мне хотелось бы побудить вас к ее изучению, показав вам всю ее ясность, простоту и полезность, — те качества, какими она если не обладает, то во всяком случае может и должна обладать.

Хотя политическая экономия имеет дело с самыми разнородными и сложными явлениями, тем не менее все эти явления таковы, что они всегда могуч быть разложены на простейшие элементы и представляют из себя лишь, так сказать, проявления самых обыкновенных принципов. Предпосылки, из которых она делает свои выводы, суть истины, известные каждому из нас, — истины, на которых мы то и дело основываем свои поступки и рассуждения в нашей повседневной жизни. Ее процессы, состоящие главным образом из анализа, имеют подобную же точность, хотя, в виду крайней переплетаемости следствий со следствиями в общественной жизни, она не может предсказывать точно результатов и ограничивается лишь тенденциями.

И хотя при изучении политической экономии мы не можем пользоваться тем могучим методом опыта в искусственно произведенных условиях, который оказал такие ценные услуги физическим наукам, тем не менее мы можем не только видеть во всем разнообразии человеческих обществ уже произведенные для нас опыты, но и пользоваться в широкой степени методом, аналогичным методу химиков, который может быть назван умственным опытом. Мы можем отделять, комбинировать или выделять условия у себя в воображении и таким образом испытывать действие известных начал. Метод этот кажется мне одним из главных орудий политической экономии, с которым все вы близко знакомы и которым пользуетесь, без сомнения, каждый день, хотя бы и не давая себе в нем отчета. Я позволю себе пояснить то, что я хочу сказать, на примере, не имеющем отношения к политической экономии.

Когда я был мальчиком, я ходил на набережную вместе с товарищем смотреть первый железный пароход, пришедший из-за океана в Филадельфию. Слышать о железном пароходе было для меня тогда чем-то в роде того, как слышать о свинцовом змее или о деревянной кухонной печке. Не долго мы побыли на палубе этого парохода, как мой товарищ заметил презрительным тоном: «Э! я вижу, в чем дело. Он весь выложен деревом, потому-то он и плавает». Я не

мог в ту минуту возражать ему, но не удовлетворился его объяснением и, сойдя на берег, стал доискиваться истины, производя опыты в уме. Если бы плавать этому пароходу позволяло дерево внутри его, то в таком случае, чем больше

было бы в нем дерева, тем выше поднимался бы он из воды. И вот в уме я нагрузил его деревом. Но, будучи хорошо знаком с процессом изготовления лодок из деревянных чурок, я сразу заметил, что он погрузился бы глубже, а не поднялся бы выше. Затем я мысленно выбрал из него все дерево, подобно тому, как мы выдалбливали наши деревянные лодки, и понял, что таким образом облегченный пароход поднялся бы еще выше. Затем в воображении я проделал в нем дыру и понял, что вода устремилась бы в него, и он стал бы тонуть, как то бывало с нашими деревянными лодками, снабженными свинцовым килем. И таким образом я увидел с такою же ясностью, как если бы я на самом деле производил эти опыты над пароходом, что плавать ему позволяла не деревянная обшивка внутри него, а его пустота, или, как я выразился бы теперь, вытеснение воды.

Именно такого рода умственные действия вы, без сомнения, производите каждый день, пользуясь при этом тем методом воображаемого опыта, который оказывается столь полезным для политико-экономических исследований. Вы можете таким образом преобразовывать умственно предложения или явления, всесторонне рассматривать их, уединять, расчленять, разлагать или, пользуясь как бы увеличительным стеклом, представлять их себе в большем размере и открывать в них несообразности, как *reductio ad absurdum*. Позволю себе привести еще один пример.

Прежде чем мне пришлось читать что-либо по политической экономии, мне пришлось слышать длинную и хорошо составленную речь в защиту покровительственного тарифа. До того времени я считал «покровительство отечественной промышленности» за нечто хорошее, и не потому, что я сам составил себе определенное мнение по этому предмету, а потому, что таково было мнение людей, на которых я смотрел, как на более сведущих, чем я. Однако оратор, которого я слышал, поскольку это касалось одного из его слушателей, хватил выше, чем куда метил. Его доводы пробудили мою мысль, как пробудили ее в детстве соображения моего товарища относительно тайны плавания железных судов. Я сказал себе: действие тарифа состоит в том, что он повышает стоимость привоза товаров из-за

границы. Но если он является вместе с тем благодеянием для страны, то тогда должны бы быть благодеянием для нее и все опасности, затруднения и помехи, из-за которых повышается стоимость привоза товаров из-за границы. Если правильна эта теория, то наиболее выгодным местоположением для города надо было бы считать то, при котором он был бы наименее доступен; морские разбои и крушения должны бы были содействовать народному преуспеянию, повышая стоимость провоза и страховки, а всякие улучшения в морском и железнодорожном деле вредить ему. А это, очевидно, нелепость.

И я пошел еще дальше в своих размышлениях. Оратор настаивал на безумии того, чтобы такая великая страна, как Соединенные Штаты, вывозила сырые материалы и ввозила мануфактурные товары, которые она могла бы столь же успешно производить у себя дома. И я спросил себя: что же побуждает народ вывозить сырые материалы и ввозить мануфактурные товары. Я понял, что причина этого кроется не в чем ином, как в том обстоятельстве, что он может при этом получать товары дешевле, т.е. с меньшим трудом. Я сопоставил с этой торговлей между разными странами сделки между отдельными личностями и заметил в них полное сходство: крестьянин тоже продает свою пшеницу и покупает муку; скотовод отправляет шерсть на рынок и покупает в обмен сукно и одеяла, а кожевник снова покупает свою кожу в обуви, но не шьет ее сам. Я понял, вникнув в дело, что обмен между странами совершенно тождественен с обменом между отдельными личностями; что он есть, в сущности, не что иное, как обмен между личностями различных национальностей; что он всюду является следствием свободного желания и везде приводит к тому, что люди получают наибольшее вознаграждение при наименьшей затрате труда; что общественное состояние, при котором не было бы такого обмена, не отличалось бы в сущности от того, в каком находятся дикие обитатели Огненной земли; что как раз в той мере, в какой усиливается разделение труда и развивается торговля, увеличивается также богатство народов и развивается цивилизация. И таким образом, прослеживая все доводы сторонников покровительства взвешивая их, разлагая и испытывая, я дошел до заключений которых держусь и до настоящего времени.

Умственные действия, подобные этим, и есть все то, что требуется для изучения политической экономии. Если что нужно для него (и нужно безусловно), так это привычка к осторожному мышлению—

привычка отчетливо делать каждый шаг, нигде не допуская никаких прыжков и скачков. Ибо именно эти прыжки или скачки на пути к известным заключениям — привычка рассматривать существенно различные вещи, как тождественные, только потому, что в них есть какое-либо поверхностное сходство—являются источником множества опасных ошибок, с которыми приходится иметь дело политической экономии.

Мне думается однако, что на нескольких примерах я могу яснее представить вам то, что я имею в виду. Если бы я предложил вам детский вопрос: «Что тяжелее: фунт свинца или фунт перьев?»—вы, без сомнения, обиделись бы; и если бы я серьезно спросил вас: «Что дороже: доллар в золоте или доллар в чем-нибудь еще?» — вы тоже почувствовали бы, что я насмехаюсь над вашим пониманием. И тем не менее убеждение, что доллар в золоте дороже доллара в чем-либо ином, имеет широкое распространение и держится очень крепко. Оно направляло политику великих наций, диктовало договоры, вооружало армии, снаряжало флоты, начинало битвы, заводило спорные и запутанные системы налогообложения и отправляло тысячи людей в тюрьмы и на виселицы. Без сомнения, значительная часть и, может быть, огромное большинство населения Соединенных Штатов, включая сюда множество лиц с университетскими дипломами, членов так называемых ученых обществ, сенаторов, депутатов, писателей и редакторов, — является совершенно неспособной понять во всей ее полноте ту истину, что доллар в чем угодно имеет совершенно ту же цену, как доллар в драгоценных металлах, и люди постоянно рассуждают, делают выводы и устанавливают законы в том предположении, что государство, которое обменивает золото на товары, терпит убыток и что долг мудрости предписывает нам предупреждать обмен такого рода и «удерживать деньги в стране». На этом нелепом предположении построена вся современная система налогов в Соединенных Штатах, и, если вы дадите себе труд присмотреться, вы заметите, что это предположение высказывается и при обсуждении всех вообще текущих наших дел. Даже здесь, в Сан-Франциско, где драгоценные металлы являются одним из средств расплачиваться за товары и в течение долгого времени являлись единственным таким средством, мы можем видеть силу этого убеждения. Враги китайской иммиграции оплакивают «отток серебра и золота в Китай», но им и в голову не приходит сокрушаться об

оттоке муки, пшеницы, ртути или креветок. И в нашей руководящей прессе, которая считается стоящей на интеллектуальном уровне, неизмеримо более высоком, чем разные клубы, преследующие китайцев, мы то и дело видим поздравление читателей с тем, что мы перестали ввозить такие-то и такие-то товары и сэкономили столько-то денег, которые приходилось бы отсылать за границу и горькие жалобы на то, что мы еще платим на сторону деньги за то-то и то-то, что могло бы производиться здесь на месте. Но что мы отсылаем вино или шерсть, фрукты или мед, это никогда не считается за что-либо достойное сожаления, этому только радуются. Что же это такое, как не признание того, что доллар в золоте дороже рубля в чем бы то ни было другом?

Заблуждение это становится явно нелепым, когда мы выражаем его в форме общего предположения. Но тем не менее привычка делать прыжки в заключениях, о которой я говорил, дает ему возможность казаться чем-то вполне естественным в глазах людей, не привыкших к сосредоточенному мышлению. Деньги есть наш образчик или мерило ценности, с помощью которого мы определяем все другие виды ценностей. Когда мы говорим о приобретении богатства, мы говорим о «наживании денег», и о лишении богатства говорим, как о потере состояния, т. е. опять же денег; богатого человека мы называем денежным человеком, хотя на самом деле у него может быть и обыкновенно бывает очень мало того, что может действительно считаться деньгами.

Кроме того, деньги являются обычным средством обмена, и желая получить то, что нам нужно, в обмен на то, что нам не нужно, мы обыкновенно обмениваем сначала последнее на деньги и уже на них приобретаем первое. А так как число лиц, желающих приобрести и то, и другое, и третье, очевидно, должно быть более числа лиц, желающих приобрести что-либо одно, что бы нам ни приходилось обменивать, то и всякая трудность в осуществлении желаемого нами обмена обыкновенно будет чувствоваться в первой части его; ибо, обменивая что-либо на деньги, я должен найти кого-нибудь, желающего приобрести это что-либо, тогда как при обмене денег на какой-нибудь товар, всякий нуждающийся в каком бы то ни было товаре или услуге, готов будет взять мои деньги. Вот эта-то привычка оценивать богатство на деньги и говорить о приобретении или об утрате богатства, как о наживе или потере денег, вместе с

обыкновением связывать трудности обмена в отдельных случаях с трудностью добывания денег, постоянно и наталкивает людей, не имеющих отчетливой мысли, на прыжок к заключению, будто деньги имеют ценность большую, чем что-либо иное. Однако самое поверхностное рассмотрение показало бы им, что богатство, за исключением самой ничтожной доли его, никогда не составляется из денег; что трудность обмена в отдельных случаях отнюдь не связана с относительной ценностью денег и, в сущности, пропадает, когда принимают в соображение и приводят в действие целый ряд меновых сделок между значительным числом лиц; короче, что доллар в деньгах стоит не более, чем доллар в хлебе или сукне, а обмен денег на товары не только служит доказательством невыгодности сделки, но, наоборот, доказывает выгодность ее, ибо если бы мы не нуждались в товарах более, чем в деньгах, то не совершали бы и самого обмена.

Или возьмите другой пример. При обсуждениях китайской иммиграции вам, без сомнения, не раз приходилось встречаться с доводом, будто дешевый труд, сокращающий стоимость производства, совершенно эквивалентен по своему действию сокращающим труд машинам, что он так же, как машины, ведет к увеличению богатства. Мнение это есть скороспелый вывод из того факта, что дешевый труд и берегающие труд машины одинаково сокращают стоимость производства для предпринимателя. И если бы мы, не делая скороспелых заключений, разобрали со вниманием, как достигается это сокращение в обоих случаях, то сразу же заметили бы ошибку. Берегающие труд машины сокращают стоимость производства, повышая производительность труда; более дешевая заработная плата сокращает стоимость производства, уменьшая долю производимого, достигающуюся работнику. Для хозяина и то и другое может означать одно и то же, но для общества, которое составляется и из хозяев и из рабочих, следствия будут весьма различны. В одном случае будет увеличиваться вообще сумма богатства, в другом—лишь изменяться его распределение, и то, что будет выигрывать один класс общества, по необходимости будет терять другой. Следствия удешевления заработной платы и введения усовершенствованных машин оказались бы очень непохожими.

Совершенно такое же заблуждение представляется чем-то вполне естественным для людей другого класса,—будто как ввоз в страну дешевых рабочих должен вести, при современной организации

общества, к понижению общего уровня заработной платы в этой стране, так должен вести к нему и ввоз дешевых товаров. Но я предоставляю вам самим разобраться в этом заблуждении; замечу только, что оно проистекает от смешения целого с частью, распределения богатства с его производством.

Если бы мне позволяло время, я мог бы представить вам целый ряд примеров того, как становится явной ошибочность множества ходячих мнений, даже более распространенных, чем упомянутые мною, при испытании их теми простыми способами, какими располагает политическая экономия. Да и моя цель состоит не в том, чтобы направлять вас к тем или другим готовым заключениям. Все, чего хочется мне, так это только выяснить вам всю простоту науки, которую обыкновенно считают очень сложной, и чрезвычайную легкость, с какой она может быть изучаема. Ибо для изучения ее не требуется ни специальных знаний, ни обширных библиотек, ни дорогих лабораторий. Не нужно даже и учебников или учителей, если только у вас хватит охоты думать самостоятельно. Вам нужно будет лишь заботливо разлагать сложные явления на их элементы, отличать существенное от случайного и сознательно прилагать к делу те простые законы человеческой деятельности, которые хорошо известны каждому из вас. Ничего не принимайте на веру, «все испытывайте, хорошего держитесь». Вам будут полезны тогда и мнения других людей в качестве намеков, пояснений и поправок; при иных условиях мнения других людей будут для вас тем же, чем бывают слова для слушающего их попугая.

Если бы даже ничего нельзя было привести в пользу изучения политической экономии, кроме того умственного упражнения, какое оно представляет, то и тогда оно заслуживало бы вашего глубочайшего внимания. Ибо упражнение, приучающее людей к самостоятельному мышлению, должно считаться наиболее нужным упражнением. Образование состоит не в заучивании фактов, а в развитии и укреплении умственных способностей. Все эти полки учителей, все эти арсеналы учености ничего не могут сделать в смысле образования человека. Они могут лишь помогать ему в его самообразовании. Тут—лишь орудия, инструменты, которые могут быть полезными только тому, кто может пользоваться ими. Обезьяна с микроскопом, мул, везущий на своей спине библиотеку,—вот наиболее пригодные эмблемы для тех людей,—а имя им, к несчастью,

легион,— которые проходят всевозможные курсы и школы и становятся лишь учеными дураками, набитыми тем знанием, каким они не могут пользоваться,—тем более жалкими, тем более презренными, тем более вредными для истинного прогресса, что они считают себя, и другие считают их, образованными людьми.

Но хотя мне кажется, что ничто не может содействовать так сильно развитию здоровых умственных привычек и самостоятельности в мысли, как занятие, научающее нас прилагать логический анализ к явлениям повседневной жизни и видеть в постоянно изменяющихся явлениях действие неизменного закона, отличать реальное от кажущегося и прослеживать в кипящем водовороте человеческих желаний, страстей и предрассудков великие течения нашего времени, тем не менее все же не это заставляет меня так настаивать пред вами на изучении политической экономии. К занятием ею должно побуждать нас нечто более благородное, чем жажда знания, нечто настолько же превышающее эту благородную страсть, насколько сама она считается выше жажды наживы или власти.

Наука о богатстве уделяет мало внимания той могущественной силе сочувствия и тем страстным влечениям, которые заставляют людей работать, бороться и даже жертвовать собой ради блага других. Она даже сознательно исключает их из своих построений. И однако именно эти-то благородные страсти, именно эти-то высокие стремления и побуждают с особенной силой к ее изучению. Политическую экономию стоит изучать не столько потому, что она многое может дать нам, сколько потому, что она может сделать нас способными дать многое другим людям.

Мне думается, вы уже чувствовали в себе побуждения самого высшего себялюбия — стремление быть полезным членом общества, желание сделать жизнь людей более чистой, радостной и счастливой. Если вы еще не испытали в себе этого стремления, то все же, я верю, оно таится в вашей душе, готовое обнаружиться при первом же запросе на него.

Вам, милостивые государи, стоит лишь оглянуться кругом, чтобы заметить, как оно нужно. Вы принадлежите к числу немногих, которым особенно благоприятствует судьба, ибо самый факт вашего пребывания в этом университете есть нечто исключительное, и вы не можете еще понять и только потом, быть может, постепенно поймете, как калечит и спутывает людей та жизненная борьба, которая является

уделом большинства, как подавляет она самые благородные способности и самые дорогие порывы, как заглушает она радость и поэзию жизни, как превращает она в язву общества людей, которые могли бы быть его красой, и делает хищниками и паразитами выдающихся представителей умственного и физического труда. Все это, может быть, еще никогда не останавливало на себе вашего внимания; но все же, если вы подумаете об этом, вы, без сомнения, увидите достаточно нужды и страдания даже здесь, среди нас, чтобы почувствовать скорбь и сожаление, чтобы принять серьезное решение, чтобы испытать сочувствие, которое дерзает, и негодование, могущее двинуть на борьбу со злом.

И увидя все это, разве вы не пожелаете как-нибудь облегчить страдания, побороть невежество, искоренить порок? И вот вам придется обратиться к политической экономии, чтобы изыскать причины зла, чтобы направить топор к самому его корню. Иначе тщетны будут все ваши усилия. Филантропия, не руководимая разумным пониманием причин, может замазать болезнь, может усилить ее, но не может излечить. Если бы милостыня могла избавить людей от нужды и если бы проповеди могли сделать людей нравственными, если бы издания книг и постройка школ могли искоренить невежество, то, конечно, все эти цели уже давно бы были достигнуты.

Но есть еще одно обстоятельство, еще более важное, могущее побудить вас к изучению политической экономии: вопросы, входящие в круг ее ведения, должны будут в ближайшем будущем приобрести особое, исключительное значение. Чтобы принять сознательное участие в борьбе,—а вам нельзя будет остаться в стороне от нее,—вам нужно будет знать кое-что из выводов этой науки. А как серьезна и как жестока будет эта борьба, это может видеть всякий, кто даст себе труд вникнуть в те силы, которые уже сосредоточиваются для нее.

Среди нас господствует удобное верование, будто мы уже миновали пояс бурь и непогоды и будто в силу того, что мы называем прогрессом, все бедствия нашей жизни исчезнут сами собой. Не принимайте этой доктрины без тщательного ее рассмотрения. Она нигде не оправдывается в прошлом и ничто не говорит за нее в настоящем. Вникните, милостивые государи, в тенденции нашего времени, и вы поймете, точно ли нет теперь надобности в серьезной работе интеллигентных людей.

Возьмите хотя бы здесь, в Сан-Франциско. Может ли мыслящий человек смотреть спокойными глазами на развитие нашего города? Разве не знаем мы того, что при теперешних условиях вместе с ростом его богатства и народонаселения будет увеличиваться также бедность и размножаться порок, что вместе с лакеями в ливреях на его улицах будут появляться также нищие. И что вместе с восхитительными виллами по берегам его залива будут воздвигаться безобразные ночлежные дома в его глухих переулках? Я с наслаждением и гордостью следил за развитием Сан-Франциско, и в моем воображении, уже невольно рисуется он в виде великого города, красы Тихого океана,—быть может, величайшего из городов. А какой из этого будет толк? Сан-Франциско теперь, с его тремястами тысяч жителей, для людей, кормящихся своим трудом, стал уже не таким хорошим местом, каким он был, когда имел всего шестьдесят тысяч; и когда его народонаселение с трехсот тысяч возрастет до миллиона, то, при наличности теперешних тенденций, на его улицах будут представляться те же жалкие зрелища, которые так поражают в Нью-Йорке человека, прибывающего туда с тихоокеанского побережья.

Это—темные стороны нашего пресловутого прогресса; это—как бы Немезида, неустанно преследующая нас. Где всего больше богатства, там всего более самой, глубокой бедности; где особенно бьет в глаза роскошь, там раскрываются картины и самой ужасной нищеты. В городах, этих товарных складах наций, каждый год голодная смерть уносит свои жертвы. Где великолепные храмы возносят к небу свои кресты, там нужны целые армии полицейских; вместе с новыми школами мы строим также новые тюрьмы; где собираются самые щедрые пожертвования на отправку миссионеров в далекие страны для проповеди евангелия мира и благоволения, там обнаруживаются такая грязь, порок и нищета, что их испугались бы язычники. На фабриках, где могучая сила пара приводит в движение машины, увеличивающие в сотни и тысячи раз производительность труда, работают малые дети, которым следовало бы играть или учиться, и где механизм обмена доведен до высших степеней совершенства, тысячи людей тщетно пытаются обменять свой труд на самое необходимое для жизни!

Откуда же падает эта мрачная тень, застилающая пред нами то, что мы привыкли называть материальным прогрессом, на что надеяться и чему служить учит нас наша ходячая философия? Это вопрос,

имеющий для нас первостепенное значение. Мы должны найти ответ на него, или мы погибнем, как погибали все предшествующие цивилизации. Никакая цепь не бывает крепче своего самого слабого звена, и наша чудная статуя, с головой из золота и плечами из бронзы, стоит еще на глиняных ногах!

Одна политическая экономия может дать ответ на этот вопрос. И если вы проследите намеченным мною путем законы производства и распределения богатства, вы откроете причины общественной слабости и болезней в порабощении невежества себялюбием и в тех неурядицах, которые целиком зависят от нас.

Вы отыщете и врачующее средство. Вы увидите его не в диких мечтах о кровавом перевороте и не в жалких планах подчинения разумных людей пустой абстракции, именуемой государством, а в тех простых мерах, которые предписываются самой справедливостью. В просвещении вы увидите великое врачующее средство, в свободе необходимое условие его благотворного действия. Вы поймете, что истинный закон общественной жизни есть закон любви, закон свободы, закон «каждый для всех и все для каждого»; что основное христианское правило нравственности есть также основной принцип и науки о богатстве; что в наивысших выражениях религиозной истины заключаются и самые широкие политико-экономические обобщения.

В вас явится тогда такое глубокое сознание братства людей, какого не могут вам дать никакие разглагольствования на нравственные темы; и все более и более станет крепнуть в вас убеждение в том, что Бог есть точно отец всех людей. Если бы ранее, не разобравшись, вы и усвоили себе ту, хуже чем атеистическую, теорию, будто нужда и страдание и беспросветный труд суть следствия божественных установлений, или, если бы, отшатнувшись от этой идеи, решили бы все же, будто в мире царит лишь слепой и беспощадный рок, чуждый стремлениям человека и нечувствительный к его страданиям, то вы оставили бы эту мысль, увидев, как много зла и путаницы в наших общественных условиях проистекает только лишь от нашего неведения и непонимания закона, и поняв, насколько лучше и счастливее могли бы люди сделать человеческую жизнь.